

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета

в контексте истории градостроительства
Одессы*

Одесса: реализация питей в конце XVIII – начале XIX ст.

Если буквально понимать отдельные тезисы дореволюционных работ по истории Одессы, может сложиться впечатление, будто в первые десятилетия существования города здесь практиковалась некая система реализации питей, отличная от откупной, чуть ли не свободная. Так, в книге первого серьезного исследователя ранней истории Одессы К.Н. Смольянинова прямо сказано, что вследствие прошения небезызвестного попечителя греческих переселенцев А.В. Кесоглу император в 1798 году на 10 лет ликвидировал винный откуп.¹

На самом деле это сообщение надо понимать несколько иначе. Общий формат, существо вопроса как раз остаются прежними, то есть государственные фискальные функции препоручаются приватному лицу на основе торгов, однако спускаются на региональный уровень. Другими словами, откупная система продолжает работать, однако доходы от налогов поступают в распоряжение местной администрации.

Отдельные детали торговли питеями в конце XVIII – начале XIX вв. я уже довольно подробно описывал в монографии о ранней истории еврейской общины города.² Первым откупщиком был рельефный персонаж ранней истории Одессы, коллежский ассессор Жан (Иван Иванович) Дофине, в доме которого, по Ришельевской улице, близ Греческой³, проходили первые собрания

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-61.

магистрата и биржи⁴. «В 1796 году, – пишет Смольянинов, – заключен был договор с именитым херсонским гражданином Дофине, по которому он обязывался окончить церковь Св. Екатерины в августе месяце 1797 года за 18.850 рублей. Сумма на сей предмет была отпускаема из 40.000 рублей, назначенных на построение церкви ордером князя Зубова на имя Деволана от 17 марта 1796 года. По приостановлении всех работ по смерти императрицы Екатерины и церковь эта, возведенная под карниз, осталась неоконченною (...)».⁵ А.М. де Ри-

Мелкая разменная монета александровской эпохи из раскопок дома Рено

бас тоже говорит, что Дофине строил Екатерининскую церковь в качестве подрядчика, причем скоро обанкротился. «Есть в архиве дело о его банкротстве, – продолжает он, – о продаже его имущества с торгов. В деле упоминается, что подводы для поездки городских служащих в имения Дофине для продажи его доставлялись городу купцом Федором Яловиковым. Одно из имений Дофине носит и теперь название Дофиновка».⁶

Здесь небезынтересно то обстоятельство, что Дофине еще в конце XVIII столетия принадлежал один из так называемых *красных трактиров*, то есть трактирных заведений для «чистой публики». Такие располагались на подступах к Одессе со стороны Херсона и Николаева по тракту, проходившему над морем и по пересыпям многочисленных лиманов. Князь И.М. Долгорукий иронически описал этот объект, переоборудованный в последнюю перед Одессой почтовую станцию, по впечатлениям 1810 года. Из этого видно, что прежде тут было очень приличное заведение, даже с бильярдом, в хорошем доме, обсаженном деревьями.⁷ Как и прочее недвижимое и движимое имущество, трактир был продан с торгов в связи с казенной задолженностью

Дофине как раз по питейному откупу, после его кончины в первой половине 1800 года. Этот сюжет определенно заслуживает внимания в контексте изучаемой проблематики.

Точная дата кончины откупщика пока неизвестна. По крайней мере 5 января 1800 года он получил приглашение на заседание магистрата, которое должно было состояться 7-го числа.⁸ Вообще биография Дофине известна мало. Ф.Ф. Вигель говорит о нем как о фигуре из челяди при Г.А. Потемкине в Херсоне, сделавшем карьеру под покровительством светлейшего. Это типичное брезгливое отношение дворянина к нуворишу, очень похоже, подогреваемое неприязнью к современным ему выскочкам-иностранцам вроде коммерции советника Жана Рено, о котором Вигель пишет столь же пренебрежительно.⁹ Как бы то ни было, в юную Одессу передислоцировалось немало «птенцов гнезда потемкинского», но это отдельный сюжет.

Крайне любопытное, на мой взгляд, дело из фонда Одесского строительного комитета дает массу разносторонней информации не только об имуществе и состоянии финансовых дел покойного откупщика, но даже о его личной жизни. Озаглавлено оно «О доме, занимаемом питейною конторою», и датируется 1808-1812 годами. О каком доме идет речь? Это два места и комплекс построек на углу нынешних улиц Пастера (Херсонской) и Преображенской, изначально также принадлежавших Дофине. Вот их описание 1808 года, когда они были уже казенными и арендовались другими содержателями откупа, елисаветградским 1-й гильдии купцом Иваном Фундуклеем и одесским 1-й гильдии купцом Василием Кошелевым:

1. Флигель каменный, 27 на 5, 5 сажений.
2. Каменная кухня во дворе, 4 на 2.
3. Людские службы во дворе каменные, 13 на 2,5.
4. Подвал земляной, 29 на 5.
5. Каменный во дворе магазин, 8 на 3.
6. Ограда каменная.¹⁰

Обсуждается в основном тема технического состояния обветшавших строений, ремонтов и реконструкций. Вместе с тем в деле имеется весьма содержательный документ о предыстории вопроса – письмо в Одесский строительный комитет от конкурсного

управления над имуществом «умершего коллежского асессора Дуфине (одна из версий русскоязычного написания фамилии. – О. Г.)» от 12 февраля 1808-го. В нем прямо говорится о том, что материальные претензии предъявлялись еще с 1800 года. Сказанные строения под номерами 72 и 73 в VII квартале (Греческого форштата), оцененные в 8.000 рублей, были предоставлены им под залог в исправность откупной винной продажи и остались в ведении Городской думы. Поскольку Дофине недоплатил в казну 4.788 руб. 89 коп., постольку эта недвижимость была назначена в публичную продажу на погашение долга. Однако в итоге она поступила в распоряжение Одесского комитета и была передана другим откупщикам.

Далее следуют занимательные интимные детали. Оказывается, Дофине жил в гражданском браке с некоей «француженкой Катериной Беренер», возможно, Бернье, «бывшей при смерти Дуфине». После кончины сожителя она в замужество с поручиком Дарменеком, «не исполнив узаконенного в уставе банкротском 1-й части 161-й статьи постановления, обличились и в скрытии Дуфине имения, с тем и подвергла себя силою 165-й ст. к пополнению претензий не только скрытым, но и собственным своим имением; но как сама она умре, а Дарманек отлучился за границу, сам же последний под присягою показал, и Комитет магистрату в сообщении от 17 июля 1803 отозвался, что за занятие им, Дарминеком, с комитета 1650 деньги, – заложены им, Дарминеком, ему от Беренерши перстень бриллиантовый и при нем таковой же маленький; перстень бриллиантовый с эмалью; перстень с тремя камушками бриллиантовыми; перстень бриллиантовый с топазом; браслеты золотые с бриллиантами; игольник золотой; часы золотые с бриллиантами; часы золотые с репетицією; часы золотые с цепочкою; и ниска (то есть низка. – О. Г.) янтарная».¹¹

Мы не имеем полных данных обо всем имуществе Дофине, но, во всяком случае, его едва ли можно считать банкротом даже и в том случае, если за ним оставались какие-то долги по недостроенному Екатерининскому храму. Как мы видели, помимо строений по Херсонской он владел солидной недвижимостью по Ришельевской, что фиксируется и синхронными генеральными планами города.¹² Кроме того, он владел землями, постройками

и крепостными в Дофиновке. О присутствии крепостных в качестве дворовых людей свидетельствуют записи в метрических книгах одесской Свято-Николаевской соборной церкви 1799-1801 годов, неоднократно фиксирующие их бракосочетание и рождение детей.¹³ Из одного раннего дела, хранящегося в фонде Одесской городской думы видно, что «помещик Дюфине» причастен и к поставке мяса на местный рынок в 1798-1799 годах.¹⁴ Похоже, печальный финал обусловлен недобросовестностью сожительницы. Впрочем, это лишь догадка.

Архивные материалы четко отвечают на вопросы – кто и почему сделался преемником Дофине в содержании винного откупа. Прежде всего, его собственный управляющий (приказчик), Иван Семенович Турчанинов, который упоминается в тех же метрических записях Николаевской соборной церкви. Он, например, был свидетелем при венчании крепостных 27 июля 1799 года и записан как приказчик Дофине. 11 мая 1800 года фиксируется крещение Иоанна, сына управителя, то есть управляющего, господина Дофине – Ивана Турчанинова и его жены Анны, воспитанник – небезызвестный Михаил Кирьяков. 2 июня 1801 года Анна Турчанинова – уже сама выступает восприемницей крепостных младенцев.¹⁵

Есть вполне конкретные архивные указания на то, что после кончины Дофине питейным откупщиком стал дворянин Иван Турчанинов. Откуп был передан ему Комитетом (Комиссией) по отстройке гавани в Одессе, реорганизованной в 1803-м в Одесский строительный комитет (ОСК).¹⁶ Мы лишь не знаем точной даты начала компаньонства Турчанинова с купцом из Великих Лук Василием Ефремовым. Не исключено, что последний вошел в дело практически сразу, что называется, с колес. Из журналов заседаний Одесского строительного комитета явствует, что Турчанинов и Ефремов содержали откуп до 1 января 1805 года, причем уже ранее задолжали ОСК весьма изрядную сумму. Так, в заседании от 14 января подбивался баланс о винной продаже с 17 ноября 1804 года по 1 января 1805-го и взаиморасчеты. По приему Комитетом оказалось «в наличности пенного вина, принадлежавшего *бывшим* откупщикам г. Ефремову и Турчанинову, на три тысячи семьсот пятьдесят рублей двадцать одну копей-

ку», разных питей – на 1740 руб. 35 коп. и наличными 1223 руб. 42½ коп. Все поступления обращались на погашение их долга. Кроме того отмечалось, что на погашение долга есть еще принадлежащие им шесть лошадей и две пары волов.¹⁷

Сюжет с долгами так и не был закрыт, и рассматривался в заседаниях ОСК 20 февраля, 3 апреля и 8 июня 1805 года. Общая сумма задолженности равнялась 8.453 рубля и 33 с четвертью копейки¹⁸, что соответствовало оценочной стоимости приличного дома с хозяйственными постройками. Ефремов оказался несостоятельным и по контракту на строительство домов для немецких колонистов¹⁹, а супруга покойного попечителя средиземноморских переселенцев Кесоглу жаловалась «на великолуцкого купца Василия Ефремова за неисполнение им кондиций относительно нанятого им ее трактира»²⁰. То был еще один т. н. красный трактир, располагавшийся ближе «дофиновского», в современной Лузановке.²¹ В одной из описей фонда Одесской городской думы есть информативное название утраченного архивного дела 1804 года «По сообщению Одесского городского магистрата о удовлетворении дворянина Ивана Турчанинова 800 руб. и о расточении 3.232 руб. 40 коп. денег».²² То есть ему вернули причитающиеся по какому-то поводу 800 рублей, но вместе с тем за ним числится более трех тысяч.

Бюрократические разбирательства, связанные с возвращением долгов, нередко растягивались на десятилетия. И здесь как раз тот случай. Об этих старых долгах напомнило министерство финансов. В журнале заседаний ОСК от 20 сентября 1824 года упоминаются: излишняя выплата майору (Феликсу) де Рибасу за поставку плитчатого известняка от 28 ноября 1803 года, коллежскому советнику (Михаилу) Кирьякову за поставку волов от 16 декабря того же года и недоимки с великолуцкого купца Ефремова и дворянина Турчанинова «по содержанию в Одессе питейного откупа с 1 апреля 1804 по 1 апреля 1808» – 8.453 руб. 33 коп. Очевидно, здесь текстовая неточность, ибо мы видим сумму долга как раз за предыдущий контракт по винному откупу, до 1 апреля 1804 года, а в указанные сроки откупщиками были уже другие лица. Так или иначе, в журнале отмечается, что на 26 ноября 1823-го с Турчанинова остается к взысканию всего

лишь 46 руб. 61 коп., а все остальное – долг Ефремова. Что до упоминавшихся Кирьякова и де Рибаса, то они полностью рассчитались.²³ Были к Турчанинову и претензии в связи с контрактом 1804 года по поставке камня в карантин, однако о них не вспоминают – следовательно, долг был погашен.²⁴

Очень похоже, что Ефремов просто-напросто вовремя улизнул из Одессы и скрывался от кредиторов. Что до Турчанинова, он, похоже, вскоре ушел из жизни, семейство его оказалось в бедственном положении, но не было оставлено без благосклонного внимания городской администрации. Так, его сын Александр, в конце 1800-х обучавшийся в Одесской коммерческой гимназии, был взят на содержание ОСК после ее преобразования в Одесский благородный институт. Комитет выплачивал ежегодно по 670 рублей за его обучение и пансион.²⁵ После реформатирования института в Ришельевский лицей Александр Турчанинов продолжал обучаться на казенный кошт, при этом ОСК тратил на это уже 850 рублей в год.

Впрочем, юноша более чем оправдал возложенные на него надежды и стал одним из лучших лицеистов. 8 июня 1818 года в ОСК обсуждалось письмо директора лицея аббата Николая, специально посвященное делам этого лицеиста. Аббат говорит об отправке Александра Турчанинова в Санкт-Петербург для определения в корпус инженеров путей сообщения, для чего понадобится уже 1.200 рублей в год на полное содержание. Такое внимательное отношение объясняется особыми способностями и успехами в учебе: «Сей молодой человек всегда заслуживал полное одобрение своих начальников, в том числе его сиятельства», то есть графа Ланжерона, который и протезировал юноше.²⁶

Род Турчаниновых (Турчениновых) на Юге довольно разветвлен, генеалогические подробности не являются предметом настоящего исследования. Во всяком случае, Иван и его сын Александр находились в близких родственных отношениях с дочерью полковника, девицей Анной Турчаниновой, каковой в августе 1804 года отвели место под домостроительство по будущей улице Софиевской. Правда, застроила она его не ранее 1809-го, а позднее, при прокладке будущего Нарышкинского спуска (1819), дом упоминается как давно существующий, но числящийся не за

Турчаниновой, а за Турчаниновым.²⁷ Анной звали и супругу Ивана Семеновича, но это явно разные персоналии. В том же августе 1804-го И.С. Турчанинов получил под застройку место по будущей Успенской улице, меж Базарным переулком и Екатерининской, но, по сложившимся обстоятельствам, построиться не сумел, и место в итоге досталось майору Панголо.²⁸

Сказанные родственные отношения проявляются в том, что по возвращении из Петербурга, как и положено, в чине X класса, Александр Турчанинов, очень похоже, владел этим домом Анны Турчаниновой в 3-й части города, оцененном в 3.000 рублей. То есть дом был явно одноэтажный, не из значимых, но по тем временам вполне пристойный.²⁹ Как уже говорилось выше, как дом Турчанинова он фигурировал уже в 1819 году. 24 июня 1824-го коллежский секретарь Александр Турчанинов и его супруга Варвара крестили в соборном храме сына, названного Иоанном явно в честь деда.³⁰

Чтобы закончить эту часть сюжета, отмечу еще два любопытных архивных упоминания об одесских Турчаниновых. В одной из описей Одесского городского магистрата зафиксировано следующее название утраченного дела от 3-27 октября 1797 года на 10 листах, в написании оригинала: «По сообщению полицмейстера Кирьякова с присылкою при оном поданной к нему бумаги полка казака Кошевенко прошения с жалобой на прикащика господина подполковника Кесиоглы Михаила Турчанина о невозвращении ему жены, увезенной и передерживаемой в слободе на Березанке, и причинение к тому боя».³¹ Драма поистине хулиганских времен первичного становления Одессы, отголоски каких-то эпизодов о бесчинствах попадают в текстах старых бытописателей. Обращаю внимание на то обстоятельство, что сказанный Турчанин служил приказчиком у Кесоглу. К той же эпохе относится метрическая запись о крещении дочери прапорщика Александра Васильевича Турчанинова Александры от 23 апреля 1799 года, причем восприемницей была супруга небезызвестного Федора Флогаити Зеновия.³²

А чтобы закончить еще и с Ефремовым, надо сказать, что о его долге – 8.496 руб. 94 коп. с четвертью – снова вспомнили аж 29 сентября 1833 года. А поскольку долг так и не был взыскан,

то начат сделали на поручителя Ефремова и Турчанинова, помещика Островского.³³ Шляхтич, подкоморный (то есть судейский, занимающийся земельными спорами) Марцелл Островский – один из основателей так называемой Польской компании «Држевецкий и Липковский», основанной в 1802 году, занимавшейся масштабным хлебным экспортом через Одессу и владевшей тут весьма солидной недвижимостью.³⁴

В 1805-1807 годах и далее питейный откуп находился в руках состоятельных коммерсантов из Елисаветграда, с каковым у юной Одессы были очень тесные контакты: довольно вспомнить купеческие семейства Клёновых, Голиковых, Gladковых, Замятиных, Бабарыкиных, в том числе видных муниципальных деятелей обоих городов. В первое трехлетие откупщиком был елисаветградский купец Аким Рогалев, впоследствии городской голова Елисаветграда (1815-1818). В журнале заседания Одесского строительного комитета от 8 июня 1805 года зафиксировано, что елисаветградский купец Рогалев внес откупную сумму за май текущего года в размере 8.350 рублей.³⁵ То есть годовая откупная сумма в тот период составляла 100.200 рублей. Есть запись о поступлении той же ежемесячной суммы в журнале заседания ОСК от 3 сентября 1806 года.³⁶ 24 декабря журнал отмечает, что у питейной конторы взято «для невольников» пять ведер и пять кварт вина, из расчета 4 рубля 50 копеек за ведро.³⁷ Это не могли быть турецкие военнопленные, ибо шариат запрещает употребление вина. Не могли быть и предположительно находившиеся в войсках Порты немногочисленные христиане, поскольку речь идет о значительном отпуске спиртного, и, следовательно, пленных должно быть немало, а война еще только начиналась. То есть речь идет о заключенных в остроге правонарушителях, которым полагалось винное довольствие.

В следующее трехлетие основным «пайщиком» был купец 1-й гильдии, далее коммерции советник, елисаветградский городской голова (1818-1819) Иван Юрьевич Фундуклей, грек из фанариотов, отец небезызвестного Ивана Ивановича Фундуклея (1804-1880), члена государственного совета. Этимология фамилии (*фундук* – крупная золотая турецкая монета), судя по всему, указывает на занятие ростовщика, менялы, негоцианта. 2 декаб-

ря 1807 года он подал в ОСК прошение об отводе места под шинок «на Вольном рынке, против гауптвахты», каковое прошение удовлетворено 23 числа того же месяца.³⁸ Из этого сообщения попутно выясняется, что в этот период гауптвахту вынесли за пределы крепости, либо – то обстоятельство, что таковых было две. К сожалению, утрачено архивное дело на девяти листах от 29 ноября 1807 года из фонда Одесской городской думы под красноречивым заголовком «По сообщению здешнего Комитета, с препровождением копии контракта с Мартиновским и Фондуклеем на содержание винного и других питей откупа».³⁹ О Мартиновском надежных сведений пока нет, по крайней мере он далее не встречался в обширном корпусе исследованных архивных документов. Впрочем, точку в этом вопросе ставить преждевременно.

Как за эти годы изменилась откупная сумма? Разумеется, она постепенно росла, причем все более значительными темпами. Согласно отметкам в журнале заседаний ОСК от 31 января 1809 года, за текущий месяц она составляла 12.416 рублей 66 и две трети копейки, каковую Одесская питейная контора исправно выплатила в срок.⁴⁰ То есть откупная сумма выросла почти на 50 тысяч, что вполне естественно с учетом темпов роста числа городских обывателей и соответствующего сбыта питей. А далее означенная сумма растет еще стремительнее. Например, 4 августа 1810-го откуп выплатил за истекший июль 19.083 руб. 33 и $\frac{1}{3}$ коп.⁴¹ А в 1812 году месячное содержание в городе винного откупа исчислялось в 22.083 руб. 33 и $\frac{1}{3}$ коп.⁴² То есть за семь лет откупная сумма выросла чуть ли не втрое.

К недвижимости, связанной с откупом, мы еще будем возвращаться, а здесь уместно перейти к сюжету, который я условно назову «питейным бунтом». У него длинная предыстория. Тучи над откупом естественным образом стали сгущаться в период катастрофической чумной эпидемии 1812 года. В ту пору управляющим Фундуклея был одесский 1-й гильдии купец, затем (1825 г.) коммерции советник Василий Егорович Кошелев, о котором я уже публиковал резюме, снабженное солидными первоисточниками⁴³, а компаньоном – одесский 1-й гильдии купец, а затем тоже коммерции советник Егор (Георгий) Михайлович Гари. Кошелев, кстати, был назначен комиссаром

в ходе ликвидации «чумной заразы». Понятно, что эпидемия нанесла торговле катастрофический ущерб, и откупщики понесли огромные убытки.⁴⁴

Еще в период карантина, 18 ноября 1812 года, на заседании Строительного комитета рассматривалось прошение управляющего одесским питейным откупом одесского купца Кошелева и держателей питейных в Одессе сборов, елисаветградского купца Фундуклея и одесского купца Гари. Речь идет о серьезном подрыве деятельности откупа, «чрез заразительную болезнь случившейся, просят уважения», то есть неких бонусов. Объясняют, что число шинков в городе и окрестностях сократилось до 258-ми, а выручка упала более чем наполовину.⁴⁵ Согласно контракту, заключенному 11 августа 1811 года, до 1817-го в городе и на городской земле предусмотрено 300 шинков. С 11 же ноября 1812-го питейных домов оставлено в городе только 20 «и в каждой балке по одному, и шинков 20, а прочие предположено уничтожить» и т. п. Комитет резюмирует, что в принципе никаких официальных запретов и ограничений ранее не было и что в каждой части города оставались питейные заведения. Теперь же, при введении полного карантина, питья можно закупать через комиссаров. Впрочем, все обстоятельства будут исследованы и учтены. Пока же за сентябрь-октябрь откупная сумма не уплачена. А из держателей откупа в городе никого нет, Кошелев тоже в отъезде. Пусть явятся, а последствия подрыва питейной торговли будут исследованы.⁴⁶ И в самом деле, в числе получивших 9 ноября деньги комиссаров, членов продовольственной комиссии Кошелев не значится.⁴⁷

В сложившихся чрезвычайных обстоятельствах отсутствие откупной суммы ощущалось крайне остро. 10 декабря на заседании ОСК было принято решение направить эстафету в Елисаветград, к Фундуклею.⁴⁸ 13 декабря 1812 года членам Комитета, городскому голове (1809-1812) Ивану Ильичу Андросову и члену от купечества, будущему городскому голове (1818-1821) Дмитрию Спиридоновичу Инглези, предписано освидетельствовать имеющиеся в наличии принадлежащие откупку питья, поскольку держатели находятся отлучке, и откупная сумма не поступает.⁴⁹ 21 декабря создана специальная комис-

сия по вопросу состояния дел питейного откупа.⁵⁰ А в январе 1813-го Ришелье временно уладил взаимоотношения меж откупом и ОСК, так сказать, до выяснения.

В заседании ОСК 16 января отмечалось, что решение относительно претензий откупщиков отложено до окончания разбирательства, а пока принять и записать в приход поступившие от питейной конторы 15.000 рублей.⁵¹ Из записей в журнале от 23 января 1813-го можно заключить, что Ришелье распорядился получить с откупа по договоренности с Кошелевым 50.000 рублей за пять месяцев, с 1 сентября 1812-го по 1 февраля 1813-го.⁵² 30 января этот важный финансовый вопрос рассматривался снова, однако дело опять-таки отложили до лучших времен.⁵³ Сказанные 50.000 были полностью выплачены частями до 13 марта.⁵⁴ 19 мая постановили принять еще 45 тысяч рублей в счет откупной суммы до вынесения вердикта по разбору всех обстоятельств.⁵⁵

16 июня 1813 года в заседании Строительного комитета рассматривалось «прошение содержателей одесского винного откупа артиллерии поручика Антона Шостака и одесского 1-й гильдии купца Василия Кошелева», поданное 13 июня. Просители апеллируют к герцогу Ришелье, речь снова идет об убытках откупа в ходе чумной эпидемии. Приводится рельефный пример: уstraшенные фурщики, которые доставляли вино в Одессу, сбросили близ Кривого Озера без присмотра 4.146 ведер.⁵⁶ 21 июня принято решение принять от откупа до разрешения спорных вопросов 15.000 рублей за истекший май.⁵⁷ Здесь в поле нашего зрения оказывается небезызвестный Антон Ильич Шостак, один из первых одесских жителей, сподвижник де Рибаса и Ришелье, крупный строительный подрядчик, благотворитель, член попечительской комиссии Одесского благородного института.⁵⁸

14 июля 1813-го в приход записано 13.000 рублей⁵⁹, 4 сентября – еще 19.590, а в общей сумме с 1 января – 131 тысяча⁶⁰. 29 сентября ОСК и Ришелье «слушали дело о претензиях содержателей питейного откупа за убытки, понесенные ими по случаю бывшей в Одессе заразы». В рамках данных им полномочий они вынесли следующее определение: 1) сверх внесенных с сентября 1812-го по февраль 1813-го 50 тысяч получить с 1 февраля по 1 октября 15 тысяч; 2) с 1 октября 1815-го требовать полагающуюся

по контракту полную откупную сумму; 3) в качестве компенсации прибавить еще один год сверх контракта к сроку содержания, на стандартных условиях. В случае если такое решение не покажется откупщикам удовлетворительным, представить искать решения, где следует, то есть в вышестоящих инстанциях.⁶¹ В принципе можно считать, что стороны договорились и как бы закрыли вопрос. Однако откуп и задействованная в его функционировании, скажем так, гуманитарная инфраструктура финансово потеряли. В итоге – эксцессы, которые я и назвал питейным бунтом.

Каков механизм реализации питей на практике? У откупа были свои питейные дома, один из которых, на Вольном рынке, упоминался выше. Другой шинок до устройства Нового базара находился на Херсонской площади, по нынешней Нежинской улице, был снят по повелению ОСК, и 4 июля 1812 года Кошелев получил этот участок под сооружение двух стандартных лавок.⁶² Известно, что 6 ноября 1811 года Строительный комитет отвел избранные держателями в Одессе винного откупа места под строение питейных домов: 1) против 46-го квартала; 2) в Щепном ряду угольное, против 14-го квартала; 3) в 3-м квартале под № 31; 4) в 54 квартале, № 612; 5) в Карантинной балке 2-го квартала.⁶³ Чумная эпидемия приостановила их сооружение, и лишь 30 декабря 1813-го Кошелев доложил, что построил один из этих домов – тот, что против 46-го квартала. 12 января 1814-го городской архитектор доложил об освидетельствовании и уточнил местоположение – на Греческом форштате, в LXXV квартале, место № 783.⁶⁴ Ныне это место по Лютеранскому переулку, меж Кузнечной улицей и Каретным переулком. Второй из указанных шинков должен был находиться в Щепном ряду, на углу Екатерининской и Малой Арнаутской, третий – на пересечении Большой Арнаутской и Тюремного переулка. Локализация четвертого затруднена, но, судя по всему, он должен был располагаться неподалеку от Дегтярного ряда. Наконец, пятый локализуется на том участке Карантинной балки, что лежит в промежутке напротив улиц Дерибасовской и Греческой. Мы видим, таким образом, что откуп привязывает свои шинки к местам торжищ и порту, более-менее значительным скоплениям людей. Всего, как мы увидим ниже, питейная контора владела лишь 29-ю собствен-

ными кабаками, а большинство располагалось в арендованных помещениях.

Разумеется, этими стационарными питейными домами дело далеко не ограничивалось: нанимавшиеся на службу в откуп целовальники арендовали под шинки различные частные постройки. Кроме того, реализацией питей занимались и так называемые вольные промышленники – местные домовладельцы, которые закупали оные пития в подвале откупа. Меж откупом, его сотрудниками и вольнопромышленниками складывалась довольно запутанная система взаимоотношений, осложнявшаяся стремлением каждого участника получить максимальную выгоду. Понесенные в ходе «заразительной болезни» потери привели к обострению внутренних конфликтов этой системы, а как следствие – и внешних.

К весне 1815 года сложилась и вовсе нездоровая ситуация. Городская полиция докладывает Комитету о многочисленных злоупотреблениях – как целовальников (сидельцев), так и вольнопромышленников (шинкарей): разбавлении питей водой, обмере, возвышении цен. При этом возникают конфликты с горожанами, которых еще и провоцируют десятские – низшие полицейские чины, гражданские лица, преимущественно из евреев, действия которых сильно напоминают рэкет. Полиция, судя по всему, отреагировала формально и жестко, на первых порах не особо вникая в подробности. Призванные для выяснения сидельцы, возвращаясь из съезжей, сказывали, что частный пристав Савоини бил их по щекам, таскал за бороды и волосы.⁶⁵ Мимоходом упомянем, что сказанный пристав – это Франц Савоини, брат небезызвестного генерала Е.Я. Савоини, сын сподвижника де Рибаса Джакомо (Якова) Савоини. Франц был приставом в период чумной эпидемии и позднее, находился, так сказать, на переднем крае смертельной борьбы, лично контролировал захоронение жертв чумы.⁶⁶ С 1820-го он служил чиновником по особым поручениям в Одесской портовой таможне⁶⁷, и в том же году построил дом по Успенской улице⁶⁸.

В ходе разбирательств непосредственные реализаторы питей детально объяснили причины, по которым вынуждены прибегать к всевозможным ухищрениям. Признавая, что откуп в лице

Кошелева цены не возвышал, целовальники указали на ряд крайне невыгодных им притеснений со стороны питейной конторы. В их числе – прием выручки в серебряной монете по заниженному курсу, отказ принимать ассигнации, по разным предложениям регулярные штрафы на 10-15-20 рублей. Целовальник нанимает для конторы работника, который обходится ему в 300 рублей в год с харчами. Он же арендует дом под кабак за 300-400 рублей годовых. Водку из конторы и пиво с завода целовальник возит за собственный кошт, за набивку ледников контора платит лишь половину цены, за питейные меры, инструменты, вывеску контора взыскивает. В принципе, целовальнику причитается 26 рублей годового жалованья от конторы, однако и оно остается там за разные начеты.

Свои претензии предъявили и вольнопромышленники. Существуют фиксированные отпускные цены, которые как бы и не изменяются. Однако при получении выходит недомер, причем даже такой значительный, при котором вместо 10 кварт на ведро оказывается 8,5. При процедуре приемки взимается «штраф» в размере 2 руб. 50 коп., да и в течение месяца под разными предлогами взыскиваются штрафы от 5 до 10 руб. Питейная контора принуждает брать их несоразмерное количество укупоренной в штофы водки, которую приходится продавать себе в ущерб. Случается, заставляют брать по два рубля за ведро подкисшее пиво. Если же вольнопромышленники осмеливаются спорить и протестовать, таковым вообще отказывают в отпуске питей, а шинки прикрывают. По всем этим причинам они, вслед за целовальниками, и вынуждены были повысить цены реализуемым питиям. Городская полиция велела отпускной конторе уладить соответствующие взаимоотношения – с тем чтобы вернуться к существовавшим законным тарифам.⁶⁹

Откуп тоже подробно прокомментировал ситуацию Строительному комитету, и в совокупности взаимные претензии сторон весьма рельефно иллюстрируют общую картину. И тут мы подходим к важным обстоятельствам, касающимся проблематики собственно городского гражданства. Суть в том, что в качестве вольнопромышленников имеют право выступать исключительно одесские граждане, тогда как на самом деле от их имени ре-

лизацией питей занимаются иногородние жители – «разночинцы, факторы, евреи, портные, сапожники, кузнецы и балошники (то есть обитающие во времянках сезонные работники. – О. Г.), коих великое множество». Шинки по существу трансформируются в игорные клубы и дома терпимости. Подставные шинкари «приманивают народ», «держат непотребных женщин», придумывают «самые соблазнительные забавы, пристрастные игры, принимают всякого рода заклады сомнительные вещи; там же убежища впадшим в преступления и распутства людям; одним словом в них денно и нощно разные совершаются бесчинства, даже до того, что в некоторых из них продавали девок людям кои покрали деньги; некоторые из тамошних случаев известны и самому Комитету. Посредством сего (соблазняются. – О. Г.) и самые поверенные от конторы для отвращения и присмотру поставленные. Особливо люди холостые, нередко впадают в распутство и пьянство, а порядочные из них люди за стыд и бесчестие вменяют себе по всем таковым местам усердно отправлять свои должности».

В принципе, Контора могла иметь 150 питейных домов, однако реально ей принадлежало лишь 29, а все остальные приходилось устраивать в съемных помещениях. Почему? Да потому что в людных местах не было свободных мест, которые Строительный комитет мог бы передать откупщикам. А это означает, что в противовес всякому питейному дому функционировало пять шинков. Находясь буквально в окружении недобросовестных шинкарей, даже порядочные целовальники быстро перенимают их опыт, связанный с подлогами, закладами и другой противоправной деятельностью.⁷⁰

Откуп отменяет обвинения о приемке серебряной монеты по заниженному курсу, мотивируя тем, что этот курс меняется, и соответственно варьирует в каждый конкретный момент сдачи выручки. Что касается отказа принятия ассигнаций, то, в отличие от оптовой продажи, при чарочной реализации питей ассигнациям вообще неоткуда взяться. Оптовый покупатель в кабаке (шинок) не пойдет, а направится в контору. Выручка у целовальников отбивается ежедневно, так что кредитных билетов у них быть не может, а тем более – много. Вольные промышленники распоряжаются купленными в конторе питеями как своею собственностью,

исходя из изменений курса, так что и тут претензии не имеют оснований. Целовальник же есть работник, которому вручается денежная распродажа питей, и он должен давать ежедневный отчет об отпуске и выручке. Шинкарям вольнопромышленникам питея отпускаются совсем не по тем ложным ценам, что показаны в записях полиции. Штофы поставляются в весьма соразмерном количестве, чтоб шинкари не жульничали, продавая вместо отпускаемого им качественного продукта суррогат «из простого хлебовина», то есть самогон. Лед они никогда не получают в конторе, а всегда берут у вольных пивоваров ценами действительно всегда дороже, чем по контракту, но сами потом продают вдвое дороже, о чем полиция информирована. Из всего сказанного совершенно ясно, что невыгода покупателей из-за злоупотреблений целовальников и шинкарей невыгодна самому откупу.⁷¹

Возвращаемся к проблематике городского гражданства, причем достаточно важной. Как было сказано, в качестве вольных промышленников во множестве выступали не одесские граждане, а подставные лица, пользующиеся привилегиями городского гражданства. В соответствии с существующим законодательством торговля питеями дозволена лишь одесским купцам и мещанам, тогда как иногородним она запрещена как в наемных, так и в своих собственных домах. Откупщикам предоставлено и право продавать пиво, полпиво, мед, но если кто-либо из одесских граждан пожелает варить таковые напитки на собственных пивоварнях для продажи в городе, они не должны чинить к тому препятствий.⁷²

Анализируя сложившуюся ситуацию, Строительный комитет рассматривал ее в нескольких ракурсах. Во-первых, он уладил отношения городской полиции и откупа, сделав констатирующие замечания в плане пресечения корчемства, незаконных действий целовальников, шинкарей и сотрудников конторы.⁷³ Другой ракурс касался обстоятельств превращения кабаков в «притоны разврата». Здесь обсуждался нашумевший в ту пору сюжет о присвоении чиновником Локотниковым крупной казенной суммы, потраченной на выкуп из дома терпимости одной из тамошних насельниц, в каковой операции принимали участие десятские и другие лица; вся эта история мною уже подробно описана.⁷⁴ Ко-

Фабричные и заводские послѣ получи жалованья.

митет отметил, что осведомлен об этом эпизоде в мельчайших деталях, однако содержательница дома терпимости формально не относится к разряду вольнопромышленников, торгующих питиями. Разумеется, практикуемые в кабаках (шинках) недостойные приемы привлечения потребителей – откровенное зло, однако контроль такого рода не относится к обязанностям Комитета: дается ссылка на статью 263 «Устава благочиния».⁷⁵

Самый же важный поворот событий касается фиксации крайне негативной для Одессы тенденции перетекания чрезвычайно значимых категорий горожан в сферу, где напрочь меняются их социальные функции, где они не только не приносят пользу городу и деквалифицируются, но и способствуют формированию нездоровой обстановки. Выпустив эту сферу из поля зрения, Комитет не заметил, как в торговлю питиями включились иногородние мещане, ремесленники, мелкие промышленники. В итоге сильно упало ремесло – ибо мастеровые люди в качестве подставных

шинкарей нашли большие выгоды при меньших трудозатратах. Город разрастается, и спрос на ремесленные изделия растет, а меж тем мастерство и нравственность падают, даже у примерных немецких колонистов – кузнецов, каретников и др. Подрываются титанические старания герцога Ришелье по водворению привлекаемых издалека ремесленников – портных, столяров, сапожников и проч. ОСК отмечает возросший дефицит в каменщиках, плотниках, кузнецах и столярах. Мало того, цена на их услуги возросла непропорционально росту цен на продовольствие и жилье, то есть не по объективным причинам, а лишь потому, что они приискали себе более выгодное занятие в сфере «питейных услуг». Поэтому откупщик по закону должен требовать от своих сотрудников и вольных промышленников, во-первых, свидетельство из ремесленной управы, что соискатель точно не ремесленник, во-вторых, квиток от Думы об уплате подати, из коего будет видно, не содержит ли он промышленных заведений.⁷⁶

Что касается изоляции этой отрасли от участия в ней лиц, не имеющих одесского гражданства, оно осуществлялось путем ограничений, затрудняющих либо вовсе исключаящих приписку в таковое гражданство иногородних мещан, в том числе евреев, а равно австрийских подданных. Правительственное распоряжение принято в 1816-м, но реально этот социальный фильтр стал работать примерно с 1819-го.⁷⁷

Готовя проект решения (определения), каковой должен был подаваться на рассмотрение исполняющему обязанности градоначальника военному коменданту генерал-майору Фоме (Томасу) Александровичу Кобле, Строительный комитет констатировал: откупу дозволено иметь 300 шинков, но, как показала практика, и 200 чересчур. Поэтому число надлежало уточнить откупу совместно с полицией. 10 апреля 1815 года это довольно значимое на тот период определение было принято и подписано генералом Кобле и членами ОСК: карантинным инспектором капитаном 2-го ранга Алексеем Ивановичем Тамиловским, инженер-капитаном Иваном Ивановичем Кругом, коммерции советником Иваном Петровичем Рено, городским головой Яковом Афанасьевичем Протасовым, членом от купечества Дмитрием Спиридоновичем Инглези и правителем канцелярии Комитета титулярным совет-

Пропиваніе вещей съ себя.

Этого человѣка жила когда-то очень хорошо. Была у него достатокъ, водилъ онъ хлѣбъ-соль съ пріятелями и сосѣдями, и всѣ уважали его. Но мало-по-малу сталъ онъ влягиваться въ вино и постепенно сталъ опускаться, теряя стыдъ и совѣсть. Что теперь для него жена и дѣти! Вино давно уничтожило въ немъ всякую привязанность къ нимъ. У него теперь одинъ идадь, которому онъ поклоняется — про-

влятое вино. Онъ успѣлъ уже шантажъ: во ему мало: иснастная страсть требуетъ своего и требуетъ нежелденно, съ настойчивостью, а жиду тѣмъ въ карманѣ у него ни гроша. И вотъ смотрите, что онъ дѣлаетъ! Складъ сапоги и продаетъ ихъ старьевщику. Тотъ, конечно, радъ случаю пріобрѣсти у нашего сапоги за безцѣнокъ и дать ему на бутылочку, а ему только этого и надо.

ником Андреем Михайловичем Богдановичем. Сделан акцент на недопущение к питейной продаже ремесленников, иногородних и иностранцев. Определено число и местоположение заведений. Полиции указано надлежащим образом контролировать. Откуп взял обязательство принимать медную монету, серебро и ассигнации, в связи с чем откупщику еженедельно направляют преискурант (курс промена) от Комитета или от городской полиции.⁷⁸

Как принято говорить, вопрос исчерпан – черпак выброшен, метафорический «питейный бунт» был подавлен. Однако для очистки совести еще и освидетельствовали откупное пиво,

поскольку были нарекания. В журнале заседаний ОСК от 13 апреля 1815-го сказано: квалифицированные контролеры отметили, что оное пиво лучше так называемого кабацкого, по 1 руб. 80 коп. за ведро, и полпива, по 2,00. Но хуже так называемого «на манер английского», которому цена 3,75. Продажа до сентября определена по назначенным в этот раз особым ценам (3,50) – в соответствии с качеством.⁷⁹

Вернемся к принадлежавшей откупу и откупщикам недвижимости, а равно арендуемым помещениям. 13 августа 1814 года держатели предложили водочный и пивоваренный завод Кошелева на Водяной балке, оцененный в 28.500 рублей, и питейный дом в LXXV квартале Греческого форштата, о котором говорилось выше, с оценкой 10.500 рублей, в обмен на прежде состоявшие в залоге 263 души крепостных и дом коллежского советника Шемиота, оцененный в 8.025 рублей. Речь идет о Викентии Леонтьевиче (Львовиче) Шемиоте, будущем екатеринославском губернаторе (1819-1825), владельце недвижимости по Елисаветинской улице, близ Дворянской.⁸⁰ В залоге к тому времени состояли дом (на самом деле – целый комплекс зданий и сооружений) самого Кобле, меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской и Садовой, оцененный в 102.350 рублей, дом, принадлежащий Католическому храму, по будущей Полицейской улице, с оценкой 22.500 рублей, сказанный дом Шемиота и 273 души крепостных, доверенных Фундуклею помещицей Александрийского уезда Херсонской губернии майоршею Касиновой, урожденной Богдановой. Проведенные Комитетом расчеты показали, что предложенная откупом замена не перекрывает контрактной суммы, поэтому дом Шемиота Кошелев оставил в залоге, да еще внес наличными недостающую разницу в 3.593 руб. 75 коп.⁸¹

В целях предотвращения тайного привоза в Одессу горячих питей в обход откупа Кошелев испросил дозволения устроить приватный сторожевой домик на Овидиопольском шлагбауме.⁸² Это препятствовало доставке по крайней мере крупных партий корчемных питей. Почему? Потому что обозы могли следовать только по трактам, а в город въезжать по мостам, проложенным над охватывающей город специально вырытой канавой. Мелкие партии, понятно, можно было периодически переносить вручную.

Из архивных документов видно, что питейные дома на территории рынков были деревянными. Так, 26 мая 1815-го откуп докладывал Комитету о том, что деревянный питейный дом на Старом Вольном рынке пришел в ветхость, просит указать место для постройки другого. 31 мая городской архитектор Франческо Фраполли отвел по смежности со старым новое место, размерами шесть на шесть сажений⁸³, то есть 163 с лишним квадратных метров. В принципе, на базарных площадях и не должно было быть никаких частных каменных строений, только казенные – так называемые эшопы, и помещение для мер и весов. К слову, в журнале заседаний ОСК от 23 ноября 1814 года сообщается, что титулярным советником Кривчиковым «считающиеся у него в наличности медные питейные меры весом 1 пуд 1 фунт ценою в 65 руб. 60 коп. Комитетом отданы откупщикам питейного в Одессе откупа».⁸⁴ Речь идет о стандартных емкостях размерностью 12,3 литра (ведро) и кружках (чарках) – четверть ($\frac{1}{4}$ ведра), штоф ($\frac{1}{10}$ ведра), полштофа ($\frac{1}{20}$) и, по нисходящей, до $\frac{1}{100}$ и $\frac{1}{200}$.

Мерные кружки XIX ст. с клеймами Одесской городской управы
и фирменная бутылка из-под ликера бенедиктин

Что касается Кривчикова, то он на протяжении многих лет служил комиссаром ОСК. Михаил Степанович Кривчиков в чине прапорщика получил место под застройку в ходе самого первого межевания города в августе-сентябре 1794 года.⁸⁵ В чине подпоручика с весны 1800 года служил приемщиком материалов еще в предшествующей Одесскому строительному комитету Комиссии по отстройке гавани.⁸⁶ До середины 1830-х добросовестно служил в ОСК, владел солидной недвижимостью, сохранилось и мною собрано немало архивной информации о его жизни и деятельности, но это тема отдельной публикации. Здесь отмечу только, что Кривчиков выслужил орден Святого Владимира IV степени.

Следует упомянуть о так называемом «военном питейном доме», учрежденном предыдущими содержателями откупа ранее 1807 года. В числе прочей откупной недвижимости он достался Кошелеву и «компании» по купчей крепости, совершенной в Херсонской палате гражданского суда. Местоположение его без труда фиксируется, ибо упоминается в ряде документов по отводу смежных мест – меж военным госпиталем и госпитальной баней, помещавшейся на склоне под будущим дворцом Воронцова.⁸⁷ К первичной постройке новыми владельцами были сделаны различные достройки – каменный дом и ледник. Ассортимент горячих и холодных напитков тут был довольно широк. А поскольку летом 1818 года близ Военной гавани стали раздавать участки под застройку, откупщики просили отвести и им участок 20 на 15 саженей, дабы не стеснять торг.⁸⁸

Базовыми откупными учреждениями оставались питейные подвалы и находящиеся при них конторы, где потребители производили оптовые закупки. О первых, доставшихся казне еще по долгам Жана Дофине, речь шла выше. Прибавлю здесь, что поскольку они находились в ведении откупа как бы на правах аренды, то и поддержание их технического состояния оставалось на казенном балансе, и ремонты осуществлялись из бюджетных и других привлеченных средств.⁸⁹ Как было сказано, та недвижимость располагалась на углу нынешних улиц Пастера (Херсонской), № 64, и Преображенской, № 21. Другой блок сооружений находился на противоположной стороне Преображенской, в пятне застройки нынешней Научной библиотеки Одесского универ-

ситета имени И.И. Мечникова, и в его истории имеются отдельные лакуны, впрочем, не чересчур существенные.

Библиотека находится в пределах мест № 704-705 LXV квартала Греческого форштата. Эти места, как и примыкающие к ним со стороны Городского сада места № 706-707, где находился летний театр Одесской филармонии, а до революции так называемое Отделение Городского сада (сдавалось в аренду), изначально были отведены небезызвестному Михаилу Михайловичу Кирьякову (старшему). Затем все эти места перешли к городовому врачу, первому директору Городского госпиталя Джованни Франческо (Ивану Францевичу) Капелло, о котором у меня есть отдельная обстоятельная публикация.⁹⁰ Весной 1809 года возникла проблема дефицита помещений для расквартирования в городе штаб-офицеров, и 27 апреля Ришелье решил продать небольшой обветшавший казенный дом на углу будущей Полицейской улицы и Александровского проспекта – с тем чтобы взамен приобрести более просторный и прочный частный. Капелло предложил свой дом со службами, недавно построенный на местах № 704-705, по смежности с австрийским консулом фон Томом, владевшим местами № 702-703, по будущей Преображенской, к переулку.

Городской архитектор Франческо Фраполли освидетельствовал постройки, и 3 июня 1809 года Строительный комитет обсудил результаты обследования и кондиции приобретения. В натуре обнаружился дом габаритами 5 сажень 1 аршин на 4 сажени 1 аршин. Сени одни, покой (жилая комната) с деревянной перегородкой 1, кухня с 2 чуланами, 1 голландская печь, 1 очаг, 1 «варистая печь», 4 двери с прибором, окон со стеклами и приборами 3, пол и потолок дощатые, весь дом покрыт по стропилам гонтою (деревянной черепицей, дранкой). При доме погреб, отделан штукowym (пиленным по определенному формату) камнем 3 на 3 сажени: в нем 1 дверь, 2 окна, крыт камышом. Во дворе флигель 13 сажень 1 аршин на 2 сажени 2 аршина 8 вершков из 8-вершкового камня в одну штуку; в нем 5 покоев, 1 кухня, 1 кладовая, 3 деревянных сеней, 1 чулан, дверей с приборами крашенных 9, окон со стеклами и приборами 8, печей голландских 4 и варистая 1, полы и потолки дощатые, крыт дранью на одном скате, выштукатурен изнутри и снаружи. В конце флигеля

маленький погреб. Сарай с погребом из бутового камня 6 на 3 сажени и 1 аршин. Сарай под дранью, погреб под черепицей – в нем створчатые двери, 1 окно. Землянка из бутового камня 3 сажени 2 аршина на 2 сажени 2 аршина – в ней 1 людская, 2 варистые печи, 3 окна со стеклами, 2 двери, покрыта землею. Ворота деревянные с калиткою и деревянными дверьми на каменных столбах, сверх оных карниз и архитрав. Земли 30 на 30 саженой. Все строения обнесены каменною стеною из штучного камня высотой с фундаментом 4 аршина.

По смете строения оценили в 3.896 рублей 6 и две трети копейки. Остановились на 4.000 рублей. Из этой суммы Капелло должен был получить сразу 2.600 рублей, вырученные от продажи обветшавшего казенного дома елисаветградскому купцу Кондрату Сапожникову, а остальные – в первых числах января 1810 года. Свой дом Капелло должен был передать казне в последних числах июня. На заседании ОСК 7 июня 1809-го в присутствии герцога Ришелье кондиции утвердили, и сказанная недвижимость перешла в ведение Строительного комитета.⁹¹ К сожалению, мне пока не удалось отыскать информации, когда именно это приобретение передали в собственность питейному откупу. Но можно уверенно говорить, что довольно продолжительное время дом использовался для той задачи, каковую преследовала покупка, тем более, то было сделано в годы войны, когда Одесса, по существу, была прифронтовым городом. Кроме того, первичный подвал вполне удовлетворял запросы откупа, да и на плане города 1814 года мы не видим существенных изменений, каковые должно было бы вызвать перепрофилирование функционального назначения этой территории. Полагаю, та инфраструктура была передана откупу не ранее конца 1810-х или даже в начале 1820-х.

Документально функционирование второго питейного подвала, причем уже на протяжении некоторого времени, фиксируется в декабре 1824 года. В журнале заседаний ОСК речь идет о переделке фронтона и брандмауэра «при подвале Одесской питейной конторы». Старый фронтон упал, и поскольку сосед, консул фон Том, нарастил стены смежного флигеля до 1½ аршин, то существует опасность, что выброс из возвышающихся там дымовых труб может послужить причиной пожара. По итогам обследова-

ния и оценки ситуации подполковником Кругом и архитектором Фраполли строительный подрядчик Вальб получил соответствующие указания.⁹² Указание о разрушении старого фронтона как будто говорит о давности постройки. Однако у нас нет надежных гарантий, что это одна из построек, осуществленных еще Капелло. Фронтон вполне мог разрушиться в течение первых лет постройки, как неоднократно случалось в те годы.

Другое интересующее нас архивное дело – «Отзывы (сообщения) Строительному комитету о выполнении его распоряжений и прошения о выдаче некоторых сумм на строение» – относится к 1827 году. В нем имеется информация «о зданиях, занимаемых Одесской питейной конторой». Откупщиками выступают коммерции советник Василий Кошелев и купец Григорий Маразли (старший), вариант «коммерции советник Кошелев с Компанией». К несчастью, контекст не дает возможности четко атрибутировать перечисляемые объекты и строения. Создается впечатление, что здесь вперемешку представлены та и другая территории питейной конторы, по обе стороны Преображенской. Эту мысль навеивает упоминание «двух дворов». Кроме того, говорится о доме с палисадом по улице, подвале с палисадом во дворе, трех ветхих воротах во дворе. Здесь же сказано, что подвал строил подрядчик Орлов, но по смерти его расчеты велись с супругою, одесскою купчихою Дарьею Орловой, которая приняла на себя обязательства покойного и по другому подряду. Этот сюжет я уже рассматривал по другому поводу. Здесь важна дата кончины подрядчика Ильи Орлова – смерть его последовала после 26 ноября 1826-го, но ранее 1 марта 1827-го.⁹³ А поскольку обустройство питейного подвала хронологически относительно близко, следовательно, речь идет о капитальной реконструкции либо полной перестройке первичного подвала Дофине, ибо смежный с фон Томом подвал был построен явно ранее. В том же архивном деле обсуждается и вопрос о постройке откупом пополам с городом цистерны, однако четких итогов реализации этого проекта не видно.⁹⁴

Следующий сюжет лаконично касается ранних водочных, пивоваренных и медоваренных заводов. Несколько мелких пивоварен функционировало уже в конце XVIII столетия⁹⁵, но и в 1802-м из доходной части городского бюджета 45.543 руб. 54 коп. откупная

сумма за пиво и мед от одесского 3-й гильдии купца Василия Ивановича Авчинникова составляла лишь 138 руб. 20 коп.⁹⁶ 11 мая 1803 года Авчинников подал прошение в магистрат об отводе ему места под хозяйственное заведение для варки полпива неподалеку от Херсонского шлагбаума, каковое поручили освидетельствовать одному из ратманов. 15 мая место для устройства хутора с пивоварней в том же районе, на Пересыпи, запросил одесский 3-й гильдии купец Николай Васильевич Лифенцов, тоже известный старожил, ратман первого Городового магистрата.⁹⁷

Очень важный момент в контексте истории местного винокурения заключается в том, что первые заведения занимались изготовлением преимущественно фруктовых водок, каковая традиция сохранялась в Одессе достаточно долго. Это связано с тогдашней дешевизной сырья, которое обильно доставлялось морским путем из Леванта – финики, инжир, кешью, изюм и др. Один из таких заводов, и опять-таки в предместье Пересыпь (изначально топоним функционировал в мужском роде – Пересып), основал Евангелий Андриянский, отставной капитан Греческого дивизиона. Под заведение отвели участок размерами 15 на 30 саженей.⁹⁸ Понятно, почему пивоваренные и винокуренные заводы тяготели к ближней части Пересыпи и Водяной балке: подземные воды находились тут на незначительных глубинах, что облегчало рытье колодцев, без которых производство было невыполнимо.

Пивоваренный завод одесского купца Дементия Мясоедова, правда, располагался повыше балки, однако все равно неподалеку от надежных источников водоснабжения. Кроме того, он вырыл и собственный колодец. Присутствие Мясоедова в качестве владельца недвижимости фиксируется прошением, поданным в ОСК 13 апреля 1814 года, в котором говорится о завершении им строительства пивоваренного завода – на собственном месте, за городом, по Овидиопольской дороге, позади сальных заводов.⁹⁹ Этот документ свидетельствует о некоторой давности отвода места. По крайней мере, основной этап строительства должен относиться к предшествующему сезону 1813-го, а очень возможно, и более раннему, до чумной эпидемии. К сожалению, пока не располагаю данными о дате причисления Дементия в городское гражданство, однако в метрических записях Свято-Николаевско-

го соборного храма одесские мясоеды (Мясоеды) – Иван, Матрона, Моисей – фигурируют в 1799 и 1801 годах.¹⁰⁰

К числу самых первых, основанных еще в конце 1790-х, относится пивоваренный завод Ивана Ивановича Мигунова. Он руководил городским самоуправлением в 1803-1806 годах. Как и Портнов, он был уроженцем города Орла, откуда выбыл в июне 1792 года, а в Одессе в третью гильдию купечества записан в 1797-м, с объявленным капиталом в 2.100 рублей. Было ему тогда 46 лет, его жене Евдокии – 32, детям: Григорию – 11 лет, Ивану – пять, Татьяне – полгода. В 1798 году он реально торговал на 1.000 рублей,

в том числе в России на 600. Владел он в Одессе двумя флигелями в восемь помещений, амбаром, двумя магазинами, двумя сараями, двумя лавками на Греческом базаре, салотопным и пивоваренным заводами в пригороде, «за Тираспольской рогаткой». Торговал рогатым скотом на свой капитал и с кредитом. Был членом Одесского строительного комитета, который, между прочим, приобретал для своих нужд свечи в его лавке. Курьезный эпизод: из докладной записки настоятеля одесской Свято-Николаевской церкви, будущего Свято-Преображенского собора, в магистрат от 23 июля 1797 года следует, что в день тезоименитства государыни императрицы на литургии из всех городских гражданских чинов присутствовал один только старший бургомистр Мигунов. И.И. Мигунов, его супруга Евдокия и, по крайней мере, двое детей стали жертвами катастрофической чумной эпидемии 1812-1813 годов, после чего их имущество распределилось меж уцелевшими сыновьями Иваном и Степаном.¹⁰¹

Винная бутылка конца XVIII ст. из раскопок дома Велисарио

Базовым для откупа долго оставался упоминавшийся выше пивоваренный и водочный завод Кошелева, устроенный им на приобретенном в декабре 1813 года хуторе.¹⁰² 11 мая 1823 года в Одесском коммерческом суде зарегистрирована купчая крепость на эти состоящие на Водяной балке «пивоваренную и водочную каменные фабрики, или заводы, со всеми при них каменными ж строениями, медными кубами и прочими посудами». С того времени все оное движимое и недвижимое имущество принадлежало «одесскому купцу Григорию Маразли и Компании»¹⁰³, однако горожане и много лет спустя продолжали называть это предприятие заводом Кошелева¹⁰⁴.

Под занавес этого утомительного академического текста – развлекательная цитата из письма одесского градоначальника А.И. Лёвшина новороссийскому генерал-губернатору М.С. Воронцову от 27 августа 1833 года: «Теперь только вижу, до какой степени безнравственно здешнее народонаселение, которое можно назвать дрожжами, ценою или извержением русского народа, смешанным с такими же отраслями польской и молдавской наций. Представьте себе, что отец или мать семейства, выработав 1 или 1½ рубли и зная, что у них дома дети без пищи, не идут к ним, но бросаются в кабаки и, напившись, валяются пред храмом Бахуса, пока у них что-либо есть в кармане. Таких примеров замечено уже много, и я с грустью в сердце вижу, что большая часть наших пособий (раздача хлеба в неурожай. – О. Г.) идут прямым путем к г-ну Маразли. Не таков народ русский вообще, хотя и любит выпить в праздник. Гнусные привычки здешних жителей происходят от их бездомности, от духа бродяжничества, которого причину хотя и немудрено понять, но которому, как я полагаю, правительство должно ныне противиться для спасения нового поколения, здесь родившегося».¹⁰⁵

Примечания

¹ К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 103.

² Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 73-77, 80-87.

³ Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – 1853, с. 591. – ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 164, л. 65; Аполлон Скальковский. Первое тридцатилетие истории города Одессы, 1793-1823. – Одесса: Optimum, 2007, с. 45.

⁴ ГАОО, ф. 17, оп. 1, д. 447. – 16 л. (утрачено, но название само по себе вполне информативно); Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», с. 372; А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 50, 71, 72.

⁵ К. Смольянинов; Там же, с. 59.

⁶ Александр де Рибас. Старая Одесса: забытые страницы. – Киев: Мистецтво, 2004, с. 28-29.

⁷ И.М. Долгорукий. Славны бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. – Москва, 1870, с. 132. – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1869, апрель-июнь. Книга вторая, с. 132; И.М. Долгорукий. Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. – Москва, 1870, с. 89.

⁸ А. Орлов; Там же, с. 131.

⁹ Русский вестник. Т. 58. – Москва, 1865, с. 588, 589.

¹⁰ ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 19, л. 2 – 2 об., 8.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Одесский государственный историко-краеведческий музей (ОГИКМ), инв. № К-600; версия этого же плана сохранилась в копии, сделанной городским землемером Гаэтано Даллакка в 1836 году (инв. № К-609); Там же, инв. № К-602; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 846, оп. 16, д. 22276, л. 1.

¹³ ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 257 об.; Там же, д. 76, л. 17, 19 об.; Там же, д. 80, л. 17.

¹⁴ ГАОО, ф. 4, оп. 1а – 2а, л. 6 – 6 об.

¹⁵ ГАОО, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 257 об.; Там же, д. 76, л. 17; Там же, д. 80, л. 17 об.

¹⁶ Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 87.

¹⁷ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 20.

¹⁸ Там же, л. 59, 125, 275.

¹⁹ Там же, л. 48.

²⁰ Там же, л. 45.

²¹ Т. н. трехверстка Шуберта 1868 г.

²² ГАОО, ф. 4, оп. 1а, д. 30 (утрачено).

²³ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 286, л. 604-606.

²⁴ Там же, д. 257, л. 202.

²⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 16; Там же, д. 269, л. 355, ф. 44, д. 15. – 71 л.

²⁶ Там же, д. 274, л. 19-20, 32.

- 27 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 150-152; Там же, оп. 1, д. 27, л. 177; Там же, ф. 2, оп. 5, д. 276, л. 390.
- 28 Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 75, 76, 77.
- 29 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 215, л. 22-31.
- 30 Там же, ф. 37, оп. 6, д. 3, л. 116.
- 31 Там же, ф. 17, оп. 1, д. 462 (утрачено).
- 32 Там же, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 250.
- 33 Там же, ф. 59, оп. 1а, д. 56. – 360 л.
- 34 Там же, оп. 1, д. 4, л. 400, 401, 402, 404; Там же, д. 145, ч. 2, л. 680.
- 35 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 272.
- 36 Там же, д. 258, л. 1 об.
- 37 Там же, л. 311 об.
- 38 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 23, л. 148, 149.
- 39 Там же, ф. 4, оп. 1а, д. 68. – 9 л. (утрачено).
- 40 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 50.
- 41 Там же, д. 262, л. 9.
- 42 Там же, д. 264, л. 39 об.
- 43 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 316-317.
- 44 В период чумного карантина Одесская питейная контора отпускала для казенных надобностей в зачет контракта питания натурой и некоторые наличные суммы. В журнале заседаний Строительного комитета от 27 февраля 1813 года есть запись об отпуске водки полугарной 38 ведер по 6 руб., пенной – 7 ведер 3 кварты по 10 руб., фруктовой – 4 ведра 1 кварта по 25 руб. Кроме того, полицмейстером Павлом Степановичем (Стефановичем) Мавромихали получено 200 руб. медною монетою. Итого 608 руб. 50 коп. Очень любопытна и следующая ремарка: «Во время чумное приказано отпустить водку полугарную и пенную для невольников, употребленных к рытью ям и похоронению мертвых тел, и фруктовую для офицеров, определенных к препровождению мертвых тел на место похоронения и зачумленных людей в карантин» (ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 265, л. 72 об. – 73).
- 45 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 264, л. 458-465.
- 46 Там же, л. 460.
- 47 Там же, л. 437-438.
- 48 Там же, л. 487.
- 49 Там же, л. 489-490.
- 50 Там же, л. 496-498.
- 51 Там же, д. 265, л. 5.
- 52 Там же, л. 9-10.

- ⁵³ Там же, л. 12-16.
- ⁵⁴ Там же, л. 17, 80.
- ⁵⁵ Там же, л. 234.
- ⁵⁶ Там же, л. 349.
- ⁵⁷ Там же, л. 367-368.
- ⁵⁸ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 458-459.
- ⁵⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 266, л. 37.
- ⁶⁰ Там же, л. 131.
- ⁶¹ Там же, л. 175-211.
- ⁶² Там же, д. 264, л. 156.
- ⁶³ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 75, л. 783.
- ⁶⁴ Там же, л. 782, 784, 785.
- ⁶⁵ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 247.
- ⁶⁶ Там же, ф. 59, оп. 1, д. 445. л. 4-5.
- ⁶⁷ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи. – СПб., 1821, ч. 2, с. 244.
- ⁶⁸ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 277, л. 635.
- ⁶⁹ Там же, д. 268, л. 248-252 об.
- ⁷⁰ Там же, л. 253-256 об.
- ⁷¹ Там же, л. 257-258 об.
- ⁷² Там же, л. 262 об. – 263.
- ⁷³ Там же, л. 274 об.
- ⁷⁴ Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 12-24; Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 89-90.
- ⁷⁵ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 275 об. – 276.
- ⁷⁶ Там же, л. 277 об. – 278 об.
- ⁷⁷ Олег Губарь. Очерки ранней истории евреев Одессы. – Одесса, 2013, с. 168-172.
- ⁷⁸ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 268, л. 279-283.
- ⁷⁹ Там же, л. 310-311 об.
- ⁸⁰ Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 418-419.
- ⁸¹ ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 44.
- ⁸² ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 5-7.
- ⁸³ Там же, д. 88, л. 182-184.
- ⁸⁴ Там же, ф. 2, оп. 5, д. 267, л. 368 об. – 369.

- 85 Записки Одесского общества истории и древностей. Т. III. – 1853, с. 593.
- 86 К. Смольянинов. История Одессы. – Одесса, 1853, с. 116; А. Орлов. Исторический очерк Одессы с 1794 по 1803 год. – Одесса, 1885, с. 131.
- 87 ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 127, л. 277.
- 88 Там же, л. 667.
- 89 Там же, ф. 2, оп. 5, д. 262, л. 105, 203, 257.
- 90 Олег Губарь. Энциклопедия забытых одесситов. – Одесса: Optimum, 2011, с. 167-184.
- 91 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 259, л. 272, 279, 280, 287, 306, 307, 308, 353, 359, 363, 364-365.
- 92 Там же, д. 287, л. 708-710.
- 93 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 203, 207.
- 94 ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 128, л. 23, 29, 33 и др.
- 95 Одесский вестник, 1827, № 94. Дополнение.
- 96 Одесса: 1794-1894. – Одесса, 1895, с. 104, 231.
- 97 ГАОО, ф. 17, оп. 3, д. 214, л. 15, 26-28; Олег Губарь. Автографы Одессы. – Одесса: АО «ПЛАСКЕ», 2012, с. 254-259.
- 98 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 257, л. 49 об. – 50; Там же, ф. 59, оп. 2, д. 13, л. 23.
- 99 Там же, ф. 59, оп. 1, д. 80, л. 95-96, 233.
- 100 Там же, ф. 37, оп. 3, д. 71, л. 250, 258-258 об.; Там же, д. 80, л. 21 об., 23, 24 об.
- 101 Первые кладбища Одессы. – Одесса, 2012, с. 303. Тут все архивные ссылки.
- 102 Там же, с. 316-317.
- 103 ГАОО, ф. 2, оп. 5, д. 287, с. 592.
- 104 Одесский вестник, 1832, 30 июля, № 61. В объявлениях.
- 105 Архив князя Воронцова. Кн. XXXIX. – М., 1893, с. 75.

